

УДК 801.733: 82.161.1(091)-1"19"

ТЕКСТ МАНДЕЛЬШТАМА В СОПОСТАВЛЕНИИ С ТРАДИЦИОННЫМ ЕВРЕЙСКИМ ДИСКУРСОМ

Лев Рафаилович Городецкий

докторант Института высших гуманитарных исследований

Российский государственный гуманитарный университет

Москва, ул. Чаянова, 15 levgorod@mtu-net.ru

В статье аргументируется, что текст Мандельштама часто напоминает традиционный еврейский текст. Это выражается, прежде всего, в системном совпадении некоторых принципов «генерирования» текста Мандельштама с техниками еврейского Мидраша. Приводятся примеры расшифровки (семантической реконструкции) «темных мест» в тексте Мандельштама с привлечением специфической семантической техники Мидраша.

Ключевые слова: Мандельштам; текст; традиционный; еврейский; Талмуд; Мидраш.

...странным шёпотом Талмуда...

*В. Розанов*¹

1. Основной тезис: текст Мандельштама часто совершенно удивительным образом напоминает традиционный еврейский текст, т. е. Талмуд², или Мидраш³, или Каббалу⁴, или традиционный идиш-дискурс. Это выражается, прежде всего, в системном совпадении некоторых принципов «генерирования» текста. При этом Мандельштам «идеологически» совпадает с традиционными еврейскими авторами в своем отношении к концепту и реальности «Текста».

Он сам сказал про феномен своего отношения к «тексту» во вполне провокативном пассаже в своей «Четвертой прозе» (1929/30): «Кто же, братишки, по-вашему, больше филолог: Сталин, который проводит генеральную линию, большевики, которые друг друга **мучают из-за каждой буквочки**, заставляя отречься до десятых петухов⁵, – или Митька Благой с веревкой? По моему – Сталин. По-моему – Ленин. **Я люблю их язык. Он мой язык**»⁶. Далее, в конце «Четвертой прозы»: «Ленин и Троцкий ходят в обнимку... Ходят два еврея..., и один **все спрашивает**, все спрашивает, а другой **все крутит**, все крутит, и никак им не разойтись».

Уместно сравнить с этими высказываниями широко известную инвективу Лютера против «извращенной экзегетики талмудистов⁷», которые «versuchen, drehen, deuten, martern fast alle Wort», т. е. «испытывают, крутят, толкуют, мучают почти каждое слово»⁸.

2. Основные «идеологические» точки пересечения (совпадающие установки).

Рассмотрим подробнее точки совпадения «идеологии текста», установок, связанных с тек-

стом, структуры текста: у Мандельштама и в той сложной культурно-цивилизационной системе, которую можно условно назвать «еврейской диаспоральной (пост-библейской, талмудической и т. д.) цивилизацией»⁹.

2-(а). Мир как текст.

Следует подчеркнуть, что характерное для еврейской традиционной системы отношение к миру как к единому тексту, отношение к порождению собственного текста, к чтению и интертекстуальной интерпретации читаемого текста как к экзистенциально главному средству¹⁰ познания мира, главному средству для ориентации в мире, для манипулирования окружающим миром¹¹, и даже для управления собственным поведением¹² – в высшей степени характерная черта личности Мандельштама¹³.

Интересно видеть, как Мандельштам пытается соединить это свое традиционно «иудаистическое» восприятие мира как текста, исходящего из одной точки, с новейшими (для начала 30-х гг.) идеями физики: «**Окончательное** дотошное описание материи упирается в световой эффект... Идеальное описание [материи] свелось бы к **одной-единственной пан-фразе**, в которой сказалось бы **все бытие**»¹⁴.

Ср. внедряемое еврейской традицией представление о происхождении всего мира из буквы **ב** (*бет*) – первой буквы текста книги **Бытия** (*Берешит*), из которой «выходит» бегущая справа налево строка («**пан-фраза**»!), описывающая «**все бытие**». Добавим лишь, что Мандельштам тогда же (1932) написал, педалируя графему и звук Б: «Я буквой **был**, **был** виноградной **строчкой**, я **книгой** [**Вуч**] **был**...» [Мандельштам 1993, 3: 70]

2-(б) Принципиальная метафоричность. Использование метафоры как способа изучения «мира-текста».

Разумеется, любой поэт в той или иной степени является генератором метафор¹⁵. Но в случае Мандельштама это осознанно и принципиально делается «главной установкой» при попытках осознать происходящее в мире и при порождении любого (не только стихотворного) текста¹⁶. В программном тексте «Нашедший подкову» (1923) Мандельштам пишет: «Воздух дрожит от сравнений... Земля гудит метафорой» [Мандельштам 1993, 2: 43].

В набросках к «Разговору о Данте» (1933) Мандельштам подчеркивает, что эта установка имеет для него важнейшее, экзистенциальное значение: «Я сравниваю, значит я живу – мог бы сказать Дант. Он был Декартом метафоры. Ибо для нашего сознания (а где взять другое?) только через метафору раскрывается материя, ибо нет бытия вне сравнения, ибо само бытие есть – сравнение»¹⁷. Это полностью совпадает с соответствующей «метафоризирующей» установкой еврейского традиционного дискурса¹⁸: как «талмудического»¹⁹, так и идиш-дискурса²⁰.

2-(в) Установка на интертекстуальность.

Отмеченную многими исследователями резкую ориентацию Мандельштама на интертекстуальность удобно рассматривать как частное проявление общей «еврейской матрицы медиативности» в жизненном поведении Мандельштама²¹.

Характерную для Мандельштама полифонию текста («семантический контрапункт», «расщепленное сознание» генератора текста и т.п.) также естественно рассматривать как частное проявление этой общей установки на интертекстуальность, на связывание, склеивание множества текстов в один и т.д. Все это совершенно рутинные свойства традиционного еврейского текста, от Талмуда до идиш-дискурса.

Одно из «практических» проявлений специфической гипертрофированной интертекстуальности у Мандельштама – это частотное цитирование различных авторов без указания авторства²². Мандельштам относится ко всему корпусу текстов мировой литературы как к «своему хозяйству»²³. О.Ронен в статье «Осип Мандельштам» (1986) пишет об этом: «Боги – предмет его размышлений – оказываются сродни домашним божкам, поэтам прошлых эпох, которых “позволено” ввести в собственные стихи следующим уникальным способом: посредством превращения цитаты в чисто поэтический прием, в нечто вроде дистанцированной рифмы»²⁴.

Это можно сравнить – и сравнение будет совершенно не случайным – с известным «хозяйственным» отношением Баха к мировой музыке. Но у Мандельштама идеологический «корень» обсуждаемого феномена – в специфике отношения еврейской текстуальной традиции к авторству. Прочитав (с указанием авторства!) высказывание об этом феномене исследователя традиционных еврейских текстов: «...здесь²⁵ правило “не забудь указать на источник информации” соблюдалось куда менее строго. Современного понятия авторского права тогда не существовало, и знаток Торы, услышавший от своего коллеги интересный комментарий, красивую притчу или хлесткую поговорку, мог повторять их, когда выдавался подходящий случай, не считая нужным сообщать, из чьих рук он все это получил или извиняться за “плагиат”. По словам мудрецов Талмуда, Тора была дана еврейскому народу в пустыне: как пустыня – “ничейная земля”, так и Тора не имеет определенного владельца – она принадлежит каждому, кто хочет ее изучать»²⁶.

Все это как будто написано про Мандельштама²⁷, только Тора для него – это мировое пространство текста, что-то вроде «мирового текстуального хронотопа», что опять же вполне хорошо коррелирует с еврейским традиционным мировоззрением, см. пункт 2-(а)²⁸.

2-(г) Комментарий для Мандельштама важнее комментируемого.

Вот характерное высказывание Мандельштама (в «Египетской марке»): «Уничтожайте рукопись, но сохраняйте то, что вы начертали сбоку...» [Мандельштам 1993, 2: 494]. Это показывает, что в понимании Мандельштама (и в соответствии с традиционной установкой «еврейской цивилизации»²⁹), маргиналии способствуют **сохранению** ядерного текста³⁰.

Фактически об этом же Мандельштам говорит в «Разговоре о Данте»: «Черновики никогда не уничтожаются. <...> сохранность черновика – закон сохранения энергетики произведения» [Мандельштам 1993, 3: 234-235]. Ср. еще высказывание Мандельштама в «Разговоре о Данте» про текст Данте (и, конечно, свой собственный): «...комментарий (разъяснительный) – неотъемлемая структурная часть самой “Комедии”» [там же: 259].

2-(д) Установка на «инновацию», на повышенную плотность информации в тексте. Массовость и рутинность «сверток» и сокращений в текстах Мандельштама.

Установка на постоянную модификацию, на «контролируемое обновление» «супертекста мира» соответствует известной психологической установке еврейской традиции на постоянный и

повсеместный («хронотопический») *хиддуш* (ивр. = 'обновление, новизна, инновация').

Существенная точка совпадения мандельштамовской и «талмудической» техник свертывания – это виртуальная включенность в каждую свертку локального **алгоритма развертывания**, другими словами, локального алгоритма динамического порождения текста. В этом смысле оба обсуждаемые вида текста представляют собой динамическую систему *par excellence*, в которой, по формулировке Ю.Лотмана, «текст есть не реализация некоторого языка, а **генератор языков**»³¹.

Наиболее частотный для Мандельштама способ создания сверток – это «ре-семантизация» («поли-семантизация») слова в тексте, т. е. намеренная «загрузка» его различными, часто изначально не связанными, смыслами. Например, поли-семантизация через межъязыковую омофонию, когда «блуд» означает одновременно и 'блуд' и 'кровь' и т.п. Еще один способ – это «разрушение» синтаксиса, позволяющее сокращать целый ряд связок, соединителей, разделителей и т.п., платя за это повышенной «криптограммностью» текста.

Одновременно все это – традиционные техники еврейского мидраша. Приведем характерную для еврейского традиционного дискурса «языковую» идиш-поговорку, отражающую это явление: «а kluger farsteyt fun eyn vort tsvey», 'умный создает в своем восприятии из одного слова – два'.

2-(е) Принципиальная «нелинейность, многомерность» текста Мандельштама. Текст Мандельштама «плотно» пронизан ссылками и аллюзиями³² на другие тексты и на себя самого.

Как и в случае традиционного еврейского текста, полная «развертка» текста Мандельштама принципиальным образом представляет собой не линейную, но многомерную структуру – «мало в нем было **линейного**...».

Вот пассаж в «Разговоре о Данте», иллюстрирующий **многомерное восприятие** Мандельштамом текста: «Поэтическая речь есть ковровая ткань, имеющая множество текстильных основ, отличающихся друг от друга только в **исполнительской окраске** <...>. Она прочнейший **ковер**, сотканный из влаги, – ковер, в котором струи <...> не смешиваются <...>, но пребывают разноцветны – в жугтах, фигурах, орнаментах, но только не в узорах, ибо узор есть тот же пересказ. <...> Орнамент строфичен, узор строчковат» [Мандельштам 1993, 3: 217-218].

Тем самым, текст для Мандельштама – это «многомерный» орнамент, это (как в телевизоре) развертка, динамически создающая из линейного

«строчковатого» ряда бегущего луча иллюзию плоскостного «строфического» изображения.

Важно, что эта же «телевизионная» метафорика относительно адекватно описывает и «динамическую структуру» страницы Талмуда: развертка одномерного сканирующего текст луча на двумерную (многомерную) плоскость с помощью **интертекста**.

Еще пассаж из «Разговора»: «...композиция³³ складывается не в результате накопления³⁴ частей, а вследствие того, что одна за другой деталь отрывается от вещи, уходит от нее, выпархивает, отщепляется от системы, уходит в свое функциональное пространство, или **измерение**» [Мандельштам 1993, 3: 220-221].

Этот же процесс спонтанного, «нелинейного» роста своего текста Мандельштам описывает в «Четвертой прозе»: «Дошло до того, что в ремесле словесном я ценю только дикое мясо, только сумасшедший нарост» [Мандельштам 1993, 3: 171].

Сравним это с высказыванием современного исследователя об Аггаде³⁵: «В Аггаде же на такое четкое направление развития указать нельзя, в ней скорее имеет место спонтанный рост, не подчиненный каким-либо определенным правилам. Правила эти не всегда удается выявить даже внутри конкретной аггадической темы...»³⁶.

2-(ж) «Диалогичность → полилогичность» текста Мандельштама.

Просматривается установка на «диалог» текста (т. е. читаемого) с читателем, на «соучастие» читателя в процессе формирования «читающего». Этот феномен³⁷, который можно рассматривать как проявление общей полифоничности (см. 2-в), относится как к собственным текстам Мандельштама («Читателя! советчика! врача! На лестнице колючей разговора б!»)³⁸, так и к восприятию «чужих». В «Путешествии в Армению» Мандельштам пишет о «физиологии чтения», явно подразумевая установку на активное «соучастие»: «Книга, утвержденная на читательском пюпитре, уподобляется холсту, натянутому на подрамник» [Мандельштам 1993, 2: 201]³⁹.

Более того, можно утверждать, что в случае Мандельштама имеет место⁴⁰ оксюморонная ситуация активного взаимодействия (диалога) автора, «генератора текста», с «генерируемым текстом»: порождаемый «автором» текст «воздействует» на автора, изменяет его, «строит» его⁴¹. Это полностью соответствует отношениям «генератора» с «генерируемым» текстом в еврейской традиции.

К этому же контексту относится феномен осознанной и подчеркнутой ориентации Мандельштама на устную речь:

«У меня нет рукописей, нет записных книжек, нет архива. У меня нет почерка, потому что я никогда не пишу. Я один в России работаю с голоса...»⁴².

«...теплый свет, излучаемый устным поучением, ясная дидактика дружеской беседы намного превосходит вразумляющее и поучающее действие книг»⁴³.

Еврейская талмудическая традиция «устного поучения» (т. е. изучения т. н. «Устной Торы») и традиционный идиш-дискурс точно так же ориентированы, скорее, на «одновременное говорение» (синхронные вопросы и ответы)⁴⁴, чем на «письмо», несмотря на «канонический» текст Библии и на массу текстов, которые евреи за 2000 лет написали.

Это является проявлением «фольклорности» постбиблейской еврейской цивилизации, ее изначальной ориентации на живую речь, на воспроизведение текстов «на память». В Вавилонском Талмуде (трактат Гиттин) встречаются запреты на письменную фиксацию текстов «устной традиции». Иерусалимский Талмуд (трактат Шаббат) предостерегает, что «всякий, кто записывает Аггаду, лишается доли в будущем мире».

Эта «устная, фольклорная» составляющая у Мандельштама с течением времени усиливалась.

2-(з) Установка на «мультилингвистичность» дискурса, на «межязыковую интерференцию», на присутствие разноязычных смыслов в высказывании.

Масса соответствующих примеров содержится в Приложениях к монографии [Городецкий 2008]. Эта установка полностью соответствует еврейской талмудической текстуальной традиции и традиционному идиш-дискурсу.

Вот характерный пример хасидской притчи, пересказываемой М.Бубером в его «Хасидских рассказах». В этой притче Бааль-Шем-Тов разъясняет ученикам кажущееся им невероятным сообщение Талмуда: «Пришел Гавриил и научил Иосифа семидесяти языкам»:

«Начал Бааль-Шем-Тов произносить поучение, но оно, казалось, совсем не имело отношения к вопросу <...>. И тут случилась удивительная вещь, какой никто не слыхивал. Внимая словам учителя, ударил рабби Гершон из Полонного по столу⁴⁵ и воскликнул: “Турецкий!”, а через некоторое время: “Татарский!”, а еще мгновение спустя: “Греческий!”, и так называл язык за языком. Постепенно его товарищи поняли: в словах поучения, говоривших, казалось бы, совсем о других вещах, он услышал и узнал исток и суть каждого языка...»

Рабби Гершон в этом рассказе слышит чужую речь в идиш-речи, и это вполне «рабочий» прин-

цип еврейской традиции – слышать и «узнавать» чужую речь в **своем родном** дискурсе и таким путем слышать и понимать больше.

Макс Вайнрайх в своей классической «Истории идиша» с удивлением отмечает **системную** ориентацию «простых» носителей идиша на мгновенный «анализ диафоном», на мгновенную **перекодировку** из одного диалекта в другой, т. е. на **одновременное** слышание в своем диалекте чужого диалекта.

2-(и) Повышенная частотность и даже рутинность «игры слов», ориентация на полисемантическую отдельных слов, сочетаний и целых блоков текста Мандельштама.

Многочисленные примеры см. в приложениях к упоминавшейся монографии «Текст и мир...». Интересно свидетельство С.Рудакова (в письме 1935 г.) о постоянном присутствии «игры слов» в речи Мандельштама, которое Рудакова раздражает: «Он [Мандельштам в разговоре о Хлебникове – Л.Г.] снова залился звонким лаем. Я говорю: “Так говорить о стихах *не полагается*”. Он: “Стихи вообще *положены* быть не должны, они должны жить” (это **любимый его, звуковой – не всегда даже корневой – путь афоризации**)»⁴⁶.

Еще один пример подобной игры в устном дискурсе Мандельштама просвечивает в том месте мемуаров Н.Мандельштам, где она передает разговор о недавно написанном (февраль 1937) стихотворении «Еще он помнит башмаков износ...»: «“Ты и в **Тифлис** съездил”, – сказала я, вспомнив стихи о Тифлисе. “Вынужденное путешествие, – ответил О.М. – Туда меня затащила **нечистая сила**”»⁴⁷. Н.Мандельштам не отмечает (или не замечает) достаточно прозрачную «фоническую игру» в шутовском ответе Мандельштама: ТИФЛИС → (парон.) Teufel ‘сатана (нем.)’ → НЕЧИСТАЯ СИЛА.

Что касается еврейской традиции, то т. н. «игра слов» является крайне характерной, сразу бросающейся в глаза, чертой талмудических текстов и идиш-дискурса, – об этом замечательно сказал М.Уэкс в своей книге об идише и «идишистской цивилизации»: «... half the religion is based on puns, and people wonder why Jews are so funny»⁴⁸. Еврейские анекдоты, поговорки в значительной степени построены на каламбурах и игре слов⁴⁹.

Но гораздо более интересно здесь, что такой, казалось бы, принципиально сухой, совсем не склонный к шуткам и карнавальности, технический **цивилизационный** текст, как «Кишур Шульхан-Арух» р. Ш. Ганцфрида использует «игру слов» не как «игру», а как вполне рутинный инструмент для передачи информации. Уже в первой главе этого «технического» текста чи-

таем, например, рекомендацию к тематике занятий после полуночи: «Лучше всего изучение порции Мишны, и этим приобретаешь душу, т. к. буквенный⁵⁰ состав слов *Мишна* и *нешама* [душа] одинаков» [Ганцфрид 2006: 9].

2-(к) Частотность синтаксических нарушений в тексте Мандельштама.

В текстах Мандельштама наблюдается усиливающаяся ориентация на разрушение, «выворачивание» стандартного синтаксиса, даже на полный «отказ» от синтаксиса. Характерные высказывания Мандельштама в «Разговоре о Данте»⁵¹: «Нет синтаксиса – есть намагниченный порыв...», «...нас путает синтаксис. Все именительные падежи следует заменить указующими направлением дательными» [Мандельштам 1993, 3: 255, 259].

Приведем простейший пример намеренного разрушения синтаксиса у Мандельштама.

В стихотворении «Адмиралтейство» [Мандельштам 1993, 1: 83] в строфе «Ладья воздушная и мачта-недотрога, / Служа линейкою преемникам Петра, / Он учит: красота – не прихоть полубога...» – полное синтаксическое рассогласование всех 3 строк⁵². Среди синтаксических «нарушений» в текстах Мандельштама исследователи отмечают частотное несогласование грамматического времени в глаголах⁵³.

Известная «статья пяти авторов» «Русская семантическая поэтика...» (написанная в 70-х гг.) очень точно описывает феномен «разрушенного синтаксиса» у Мандельштама: «Существенным фактором создания [семантической] неопределенности является расшатывание [в тексте Мандельштама] обычного “прозаического” синтаксиса. Отдельные элементы изолируются, появляется отчетливая тенденция к повышению удельного веса односоставных предложений без “нормальной” предикативной связи. Часто встречаются случаи, когда неясна синтаксическая соотнесенность сегментов или сегменты являются синтаксически незаконченными. В том же направлении действует и “немотивированное” употребление союзов: так *и* употребляется при отсутствии семантической общности в объединяемых сегментах, *но* – при отсутствии противопоставления и т.п. Сказанное распространяется и на “макросинтаксис” – на синтаксическую организацию текста как целого» [Левин и др. 2001]. Отметим, что этот пассаж написан так, как если бы «пять авторов» анализировали текст Талмуда⁵⁴, для которого разрушение синтаксиса крайне характерно.

Дело не в том, что традиционные еврейские тексты намеренно нарушают «обычный» синтаксис. Они как бы пренебрегают этим синтаксисом,

он им просто не очень существен. Например, если в таком тексте встречается нечто вроде: «сказал рабби А сказал рабби Б казнить нельзя помиловать», то здесь нет никаких намеренных шифровок или искажений, а есть ряд «сверток», «встроенных» аллюзий и «ассоциативных отсылок» на определенные места «единого супертекста», которые предполагаются известными читателю, и эта система «исправления синтаксических нарушений»⁵⁵ реконструирует для читателя «правильный» синтаксис исходной фразы в том виде, в какой он ему нужен в данный момент.

3. Семантическая «техника (талмудического) мидраша» у Мандельштама

«Мидраш»⁵⁶, или «талмудический мидраш» – это «рекурсивный» способ порождения текста, состоящий в том, что некоторый «ядерный» текст (обычно это оригинальный текст Библии) рассматривается подряд: каждый последующий элемент интерпретируется при помощи стандартных толковательных приемов и/или каких-то «внешних» ассоциаций и соображений, использующих **уже порожденный** до этого текст. Далее к этому элементу текста «присоединяются» все релевантные выводы и толкования, которые были сделаны – они используются для работы со следующим элементом «ядерного» текста и т. д. Легко видеть, что получается «рекурсивное древо мидраша».

В «Разговоре о Данте» Мандельштам метафорически описывает процесс «мидрашного типа», присутствующий в его собственной системе порождения текста, приписывая этот процесс (как полагается в «Разговоре») Данту: «...он [Дант] мечется между примером и экспериментом. Пример извлекается из патриаршей торбы⁵⁷ древнего сознания с тем, чтобы быть возвращенным в нее обратно, как только минет надобность. Эксперимент⁵⁸, выдергивая из суммы опыта те или иные нужные ему факты⁵⁹, уже не возвращает их обратно по заемному письму, но пускает в оборот⁶⁰» [Мандельштам 1993, 3: 241].

Вот еще метафорическое описание порождения текста (Мандельштама) в «Разговоре о Данте»: «...одна за другой деталь отрывается от вещи, уходит от нее, выпархивает, отщепляется от системы, уходит в свое функциональное пространство».

Приведем еще аналогичную метафору из «Разговора»: «...представьте себе самолет <...> – который на полном ходу конструирует и спускает другую машину. Эта летательная машина, так же точно, будучи поглощена собственным ходом, все же успевает собрать и выпустить еще третью. Для точности моего наводящего и вспо-

могательного сравнения, я прибавлю, что сборка и спуск этих выбрасываемых во время полета <...> новых машин является не добавочной и посторонней функцией летящего аэроплана, но составляет необходимейшую принадлежность и часть самого полета и обуславливает его возможность» [Мандельштам 1993, 3: 233].

Мандельштам пытается в Воронеже описать С.Рудакову «мидрашную» технику порождения текста: «Сказал “Я лежу”, сказал “в земле” – развивай тему “лежу”, “земля” – только в этом поэзия. Сказал реальное, перекрой более реальным, то – реальнейшим, потом сверхреальным. Каждый зародыш (росток) должен обрастать своим словарем, обзаводиться своим запасом, идя в путь, перекрывая одно движение другим. Будь форма, ритм... все недостаточно, если нет этого. Этому правила не понимали некоторые акмеисты, их последыши, вся петербургская поэзия, вся официальная советская поэзия»⁶¹.

Мы видим, что отношение Мандельштама к процессу порождения текста совпадает с текстуальной идеологией и установками авторов **мидраша**.

Но еще более интересно совпадение ряда технических приемов. Рассмотрим важнейшие техники порождения текста, совпадающие в **мидраше** и у Мандельштама.

3-(а). Техника *гезера-шава* в Талмуде и «семантическая непрерывность» у Мандельштама.

Гезера-шава («аналогичное решение») – толковательный прием, вошедший в канонические «13 приемов Измаила». Его суть в «связывании» двух отрезков текста, законов и т.д. на основании совпадения некоторого признака. Если два закона близки по формулировке – например, используют одно и то же выражение (группу слов), то они близки (аналогичны) и по смыслу, т. е. неясность в первом можно устранить с помощью второго.

Используя уместную здесь математическую метафору, можно сказать, что имеет место принцип «семантической непрерывности»⁶²: семантики вербальных «окрестностей» равных выражений – с **большой вероятностью** равны (подобны). Очень важно, что этот принцип – лишь установка, а не «автоматическое» правило, поэтому Талмуд изучает границы и условия применения приема *гезера-шава*.

Пример применения: из библейского отрывка «...смертью умрет, камнями будет побит, кровь его на нем самом» (Левит 20: 27) *мидраш* способом *гезера-шава* выводит, что везде, где

сказано «умрет» и «кровь его на нем самом», подразумевается казнь побоем камнями.

Приведем достаточно четкий пример работы принципа «семантической непрерывности» в семантике текста Мандельштама.

В тексте мандельштамовского перевода с немецкого (1926) стих. «Телохранители» Рене Шикеле есть строка: «И клонит плод бесстыдство золотое» [Мандельштам 1992, 2: 208]. Рассмотрим «отображение» этой строки в стихотворении «Я молю как жалости и милости...» (1937): «Наклони свою шею, безбожница, / С золотыми глазами козы» [Мандельштам 1993, 3: 127]. При этом отображении КЛОНИТ → НАКЛОНИ; ЗОЛОТОЕ → ЗОЛОТЫМИ. Принцип семантической «непрерывности» (= *гезера-шава*) показывает, что где-то в близкой окрестности слов НАКЛОНИ и ЗОЛОТЫМИ должен с **большой вероятностью** оказаться «образ» слова БЕССТЫДСТВО. И действительно, между этими словами находится слово БЕЗБОЖНИЦА, которое при ближайшем рассмотрении оказывается «квази-омофоном» частотного идишского [bezbulynitse] = ‘бесстыдница’!⁶³

А вот пример применения «семантической непрерывности» к **локальной реконструкции семантики** в тексте Мандельштама – в восьмистишии начала 1934 г. в строке «И, как руда⁶⁴, из груди рвется стон» [Мандельштам 1993, 3: 77]. Рассмотрим «отображение» этой строки в (обычно вызывающую недоумение) строку из эпиграммы на Сталина (конец 1933): «И широкая грудь осетина» [там же: 74]. При этом отображении ГРУДИ → ГРУДЬ; СТОН →⁶⁵ ОСЕТИН. Принцип семантической «непрерывности» (= *гезера-шава*) показывает, что где-то «в близкой окрестности» слов ГРУДЬ ОСЕТИНА с **большой вероятностью** должен оказаться «образ» слова РУДА («кровь»), т. е. нечто «кровоавое». Поскольку в этой близкой окрестности находится только слово ШИРОКАЯ, то становится достаточно ясно, что оно является «маскирующей» заменой слова **кроваяя** (или **окровавленная**), которое здесь на самом деле **должно** стоять. Тем самым рассматриваемая строка в «эпиграмме» маскирует строку «И кровавая грудь осетина», или, эквивалентно, «грудь кровавого осетина».

Одним из аргументов в пользу «релевантности» сделанной нами «семантической реконструкции» является, то, что полученный вариант хорошо соответствует квалификации Сталина как «кровоавого осетина»: это распространенное в начале 30-х гг. определение приписывалось Г.Зиновьеву.

В заключение отметим, что об этой технике Мандельштама, по-видимому, говорит С.Рудаков

в письме из Воронежа (1935): «А то, что, может быть, в “Данте” есть, чем живы лучшие вещи 1930–35 года его, ... – это связь не *словарная*, а *смысловая*. Т. е. не локальность (т. е. совпадение темы и подобранных слов и образов), не единство словарных источников (архаизмы там, или слова античные, и еще что) – а повторяемость, усиление, собирание, нагнетание, группировки элементов, говорящих об одном. Яснее это трудно рассказать»⁶⁶.

3-(б). *Биньян-ав* («основное построение, основа некоего общего закона») – толковательный прием, вошедший в канонические «13 приемов Измаила». Его суть в упрощенном виде: если некий закон применяется к какой-то конкретной ситуации, то из этой ситуации извлекаются самые «главные» ее черты, самые «существенные» ее характеристики, и утверждение (закон) «переносится» на все ситуации, обладающие этими характеристиками.

Напомним, что Мандельштам в Воронеже описывает Рудакову соответствующую технику порождения текста, состоящую в «выжимании смысла» из данного слова путем генерирования конкретных модификаций общего смысла исходного слова: «Сказал “Я лежу”, сказал “в земле” – развивай тему “лежу”, “земля” – только в этом поэзия. Сказал реальное, перекрой более реальным, то – реальнейшим, потом сверхреальным. Каждый зародыш (росток) должен обрастать своим словарем, обзаводиться своим запасом, идя в путь, перекрывая одно движение другим. Будь форма, ритм... все недостаточно, если нет этого»⁶⁷. Здесь данное слово с его непосредственной семантической окрестностью (фреймом) представляет собой такой «талмудический» *биньян-ав*, и из него с помощью СИ-операторов (см. след. пункт) строятся конкретные модификации.

3-(в). *Техника т.н. «игры слов»* → *техника метафоры*. В процессе рекурсивного порождения текста Мандельштам применяет технику СИ-операторов⁶⁸: паронимии, эквиконсонантизма, межъязыковой интерференции и др. а также их суперпозиции.

Здесь следующая техника порождения метафоры: СИ-оператор (или СИ-функция) сам по себе – это суперпозиция *метонимии* (например, межъязыковой омофонии, эквиконсонантизма и т. д.), и *метафоры*, являющейся окончательным «значением» этой функции в тексте. Точнее, окончательное «значение» СИ-функции есть образ получающегося в результате всего процесса семантического отображения, содержащий порождаемую метафору.

Пример. Известная строка Мандельштама «Есть блуд труда и он у нас в крови» [Мандельштам 1993, 3: 53]. Здесь слово «блуд» является аргументом СИ-оператора русско-немецкой омофонии, который работает так: сначала продуцирует *метонимию*, т. е. ставит в соответствие русскому слову «блуд» смежное по звучанию немецкое Blut ‘кровь’, а затем, на основе значения «кровь» и исходного аргумента «блуд», генерирует ситуационную метафору: «блуд труда у нас в крови [т. е. труд наш – это (метаф.) присутствующий нам кровавый (кровосмесительный) блуд]»⁶⁹.

Просматривая любой «мидрашный» текст, легко увидеть, что СИ-операторы являются элементами системы «толковательных приемов» Мидраша.

3-(г). *Саггу-негор* (арам. «великий светом») – «переворачивающее» обозначение слепого, ставшее названием стандартного талмудического приема «семантического переворачивания». Этот прием, в свою очередь, стал характерным для еврейского традиционного дискурса вообще. У Мандельштама частым случаем применения этой техники являются создание т.н. «оксюморонной» ситуации: «горячие снега», «незвучный хор», «сухая река» и т. п.

Приведем пример, в котором техника *саггу-негор* защита несколько глубже, не совсем на поверхности. Рассмотрим строки из стихотворения «Голубые глаза и горячая лобная кость...» (1934): «Часто пишется казнь, а читается правильно – песнь, / Может быть, простота – уязвимая смертью болезнь?» [Мандельштам 1993, 3: 82]. Здесь ПРОСТОТА суггестирует сочетание ПРОСТО ТАК из отрывка про «горца Ковача» в набросках к «Путешествию в Армению»: «Как и всегда бывает в дороге, в центре внимания моего встал человек, приглянувшийся **просто так – на здоровье...**» [там же: 382]. Далее рутинным образом суггестируется концепт «здоровья». Затем начинает работать прием *саггу-негор*, переворачивая: «здоровье» → БОЛЕЗНЬ. Заметим, что предыдущая строка как бы «предупреждает» о предстоящем применении этого оператора, переворачивая резко негативный смысл «казни» в резко позитивный смысл концепта «песни».

4. Выводы и вопросы. Таким образом, мы наблюдаем поразительное *системное* соответствие между «устройством» традиционного еврейского текста и «устройством» текста Мандельштама. Причина этого интереснейшего феномена не ясна. Ведь не могли же несколько уроков древнееврейского языка, данные юному Мандельштаму «еврейским учителем» (автобиографический «Шум времени») так мощно повлиять

на дискурс Мандельштама, даже при его феноменальной текстуальной восприимчивости.

Отметим, что Мандельштам пишет в набросках «Заметки о Шенье»: «**при полном забвении старофранцузской литературной традиции автоматически воспроизводятся некоторые ее приемы, потому что они вошли в кровь**». Но Мандельштам почти всегда подставляет себя на место объекта своего дискурса, будь то Данте, или Чаадаев или, в данном случае, А.Шенье [Мандельштам 1993, 1: 281].

Поэтому *правдоподобная рабочая гипотеза* здесь – это воздействие на Мандельштама в раннем возрасте дискурса отца, который он отвергает и над которым даже издевается в «Шуме времени». Эта гипотеза требует подробного отдельного рассмотрения.

¹ [Розанов 1909: 37].

² Определения «талмудист», «талмудический» и т. п. начали применяться к самому Мандельштаму и его тексту давно. Интересно, что еще соученик Мандельштама по Тенишевскому училищу Борис Синани называл его «оратором-талмудистом», по-видимому, имея в виду какие-то особенности его дискурса [см. Мец 2005: 34]. М.Эпштейн в эссе конца 80-х гг. также называет Мандельштама «талмудистом» [Эпштейн 2000]. Эпштейн пишет одновременно про текст Мандельштама и Пастернака: «Речь отчуждена от языка — словно бы проступает в ней **другой язык**, подлежащий многозначной, хитроумной расшифровке. Чтобы разгадать эту систему отсылок, переносов, аллюзий, сквозящую иным, еще не прочитанным текстом, каждый читатель поневоле становится **талмудистом** и каббалистом». Эпштейн указывает на принципиальную интертекстуальность дискурса Мандельштама, на его ориентацию на комментарий и говорит, что Мандельштам «стал **величайшим талмудистом** именно на светском поприще, превратив поэзию в своеобразную **талмудическую дисциплину**, кропотливое и законопослушное истолкование знаков мировой культуры. Культура выступает как священная книга, требующая все новых добросовестных комментариев и расшифровок». О некоторых «талмудических» особенностях текста Мандельштама упоминает и Н.Поллак в монографии [Pollak 1995]. Л.Видгоф в статье «О “чертежнике пустыни” Мандельштама» говорит о совпадении некоторых представлений Мандельштама о «слове» с идеями Талмуда и книги *Zohar* [Видгоф 2006: 412]. Однако скольконибудь существенного анализа соотношения еврейского традиционного текста и текста Мандельштама эти авторы не делают.

³ О.Ронен в упоминавшейся статье «Осип Мандельштам» (1986) пишет о «древней толковательской деятельности – **талмудической традиции гетто, исподволь определившей отношение поэта** и к слову, и к вселенскому своду мировой поэзии» [цит. по: Мандельштам 1992: 502]. Однако, *что* значит «исподволь» и *как* воздействовала «толковательская тра-

диция» на отношение Мандельштама к слову, Ронен не говорит.

⁴ С.Гехт в газетной критической статье так высказался о «Путешествии в Армению»: «...ясность покинула последнюю прозу Мандельштама, в иных местах она **звучит каббалистически**. Выдрана арматура, скрепляющая бетон его художественного здания. <...> борются в нем поэт-современник и поэт-книжник» [Гехт 1933: 3]. Вообще, Гехт был первый (если не считать высказывания Синани в школьном журнале), кто в печати эксплицитно обратил внимание на еврейские традиционные корни дискурса Мандельштама. Но следует отметить, что еще в 1929 г. Н.Берковский в критической работе о прозе Мандельштама описывает свойства текста Мандельштама так, что характеристика «талмудический» проступает между строк: «... Мандельштам с умыслом именуется вещи невпопад, **берет их “не той рукою”** [Берковский явно намеренно использует еврейскую традиционную идиому – *Л.Г.*], вместо “постижений” у Мандельштама остроумная словесная игра...<...> из “широкого” факта готовится **аббревиатура**, стиснутый в малом пространстве отвар специфического. <...> Мандельштам работает в литературе, как на монетном дворе. Он подходит к грудам вещей и дает им в словах “денежный эквивалент”, приводит материальные ценности, громоздкие, занимающие площадь, к удобной монетной **аббревиатуре**» [Берковский 1930: 173].

⁵ Т.е. именно «книжники» = «фарисеи» = «талмудисты», для которых сакральный текст – это весь мир, манипуляция миром – это манипуляция текстом, ради которой они мучают друг друга, заставляют (как новозаветного Петра) признавать «сакральность» текста или отрекаться от текста и т.д.

⁶ Т.е. язык еврейского **мидраша**, приписываемый Мандельштамом большевикам, независимо от их этничности (в частности, Ленину и Троцкому, см. след. цитату из ЧП) – это язык Мандельштама. Этот отрывок, завершающий 8-ю главу ЧП, приводится А.Морозовым в его комментариях к ЧП в издании [Мандельштам 2002]. Устно Морозов сообщил (по свидетельству С.Василенко), что он успел переписать этот отрывок с одного списка ЧП, находившегося у Н.Я. Мандельштам, после чего этот кусок был кем-то (предположительно, самой Н.Я.) оторван, и даже остались следы отрыва.

⁷ Т.е. тех же **фарисеев, толкующих букву** Св. Писания.

⁸ Цит. по [Еврейская Энциклопедия 1905–1912: Т. X, кол. 445]. Заметим, что там слово *versuchen* неточно переведено как «исследуют».

⁹ В монографии [Городецкий 2008] аргументируется, что Мандельштам экзистенциально является неким «фокусом» основных установок (матриц) «еврейской цивилизации». В частности, это проявляется в его отношениях с «Текстом».

¹⁰ При этом самому «надежному» средству. Ср. высказывание Мандельштама о книге: «Из всего материального, из всех физических тел книга – предмет,

внушающий человеку наибольшее доверие» [Мандельштам 1993, 3: 201].

¹¹ Ср. присутствующее в еврейской мистической традиции (*каббале*) стремление к *тиккун ha'олам* (совершенствованию мира) с помощью языка, т. е. посредством управления аппаратом порождения текста. Вот соответствующее вполне «каббалистическое» высказывание Мандельштама в Воронеже в разговоре с С.Рудаковым: «Подлинная поэзия **перестраивает жизнь**, и ее боятся» [цит. по: Ежегодник рукописного отдела... 1997: 68].

¹² Например, **главная** акция в ситуации «измены жене» для Мандельштама – это создание **текста**, обращенного к другой женщине. Н.Мандельштам пишет в своих мемуарах: «...он [Мандельштам] болезненно переживал всякое стихотворение, обращенное к другой женщине, считая их несравненно большей изменой, чем все другое» [Мандельштам 2007: 152]. Губительная ситуация «измены родине», актуализированная в СССР к началу 30-х гг., точно так же связывается у Мандельштама, прежде всего, с чтением (губами) или созданием **текстов** на «чужих наречиях»: «не искушай чужих наречий, но постарайся их забыть», «получишь укусную губку ты для изменнических губ», «себя губя ... мне хочется уйти из нашей речи» и т.п. Отчасти – это преломление у Мандельштама традиционной русской «цивилизационной» установки на подозрительное отношение к текстам на «чужих наречиях».

¹³ Как и всей диаспоральной «еврейской цивилизации» [см. Городецкий 2008: пп. 1.1, 1.5.0, 1.5.1].

¹⁴ <Читая Палласа> [Мандельштам 1993, 3: 390].

¹⁵ При этом литераторы определенного склада как бы «не ориентированы» на метафору. Вот что писал Б.Эйхенбаум в работе о поэтике Ахматовой: «Недаром Ахматова **избегает** метафор – они уводят нас от слова к представлению и тем самым нарушают равновесие, делая стих ненужным» [Эйхенбаум 1923: 109].

¹⁶ Б.Успенский в статье «Анатомия метафоры у Мандельштама» пишет: «...метафора Мандельштама выступает как средство филологического познания мира» [Успенский 2000: 330]. Сам Мандельштам пишет в «Разговоре о Данте», что поэзия не пересказывает и не «отображает» природу, но **«разыгрыва[ет] природу** при помощи орудийных средств...» [Мандельштам 1993, 3: 216].

¹⁷ <Вокруг «Разговора о Данте»> [Мандельштам 1993, 3: 406].

¹⁸ Эта установка имеет древние библейские корни, ср. в Библии: «через пророков говорю Я притчами» (Книга Осии 12: 11). Т. е. Творец говорит «ситуационными подобиями», «ситуационными метафорами»: здесь в библейском тексте используется ивритский глагол *адамме* = «делаю подобным, сравниваю».

¹⁹ Ср. одно из частотных «структурирующих» выражений «талмудического» дискурса: *le-ma ha-davar domi?* = «на что эта вещь (ситуация) **похожа?**»

²⁰ О гипертрофированной метафоричности идиш-дискурса см. например [Wex 2005].

²¹ См. [Городецкий 2008: п. 2.1.3].

²² Н.Мандельштам вспоминает: «Он [Мандельштам] сам говорил, что “подражает” всем, даже Бенедикту Лившицу» [Мандельштам 2007: 198]. В статье «Слово и культура» Мандельштам пишет: «глубокая радость повторенья охватывает его [поэта]», «поэт не боится повторений» [Мандельштам 1993, 1: 214]. Следует отметить, что в этом намеренном «понижении профиля» автора и в «радости повторенья» (это буквально «иудаистическое» выражение: «радость Мишнь», ивр. *мишна* = «повторение») – одна из основных точек сближения Мандельштама и еврейской текстуральной традиции.

²³ Ср. высказывание А.Калецкого, воронежского знакомого Мандельштама о нем в письме 1935 г.: «Очень умный, путанный человек <...>, говорящий **о стихах, как о своем хозяйстве**», – цит. по [Ежегодник рукописного отдела... 1997: 41]. Не случайно даже С.Рудаков, маленький воронежский Сальери, всерьез встревожен тем, что Мандельштам может присвоить какие-то его, рудаковские, поэтические образы, строки и т.п. [там же: 55]. Он же описывает в более позднем письме совместное с Мандельштамом чтение Данта, и то, как Мандельштам «приватизирует» текст Данта: «Главное же – близость его “толкования” его стихам. Это похоже в филологическом смысле на отсебятину, но очень своеобразную, глубочайшую – если понять, присмотреться» [там же: 133].

²⁴ Цит. по [Мандельштам 1992: 512]. Ронен далее цитирует известную «программную» строфу из стих. «Есть целомудренные чары...» (1909): «Иных богов не надо славить: / Они как равные с тобой, / И, осторожно рукой, / Позволено их переставить» [Мандельштам 1993, 1: 35].

²⁵ Имеется в виду Агада – часть Талмуда, в ряде аспектов наиболее «близкая» к дискурсу Мандельштама.

²⁶ См. [Шинан 1990: 168].

²⁷ Который уже в раннем стихотворении (1911) сказал: «Я забыл ненужное “я”» [Мандельштам 1993, 1: 68].

²⁸ В особенности чудовищным, с точки зрения блюстителей авторских прав, выглядело «свободное» отношение Мандельштама к этим правам в переводческой сфере. В статье «О переводах» (1929) Мандельштам даже подводит нечто вроде идеологической базы под «не совсем корректное» обращение с чужим текстом. Он призывает переводчиков: «Никто нам не мешает **бороться** с автором самой книги, как это делают с кадрами в кино: автор примечаний **вгрызается** в текст, становится **участником** действия <...>. Откуда такая робость, товарищи? Раз мы взяли книгу в работу, то можем **повернуть ее** так, как нам потребуется» [Мандельштам 1993, 2: 521]. Именно в этой традиционной еврейской идеологии свободы манипулирования «чужим» текстом – глубинная причина «истории» с переводом «Уленшпигеля».

²⁹ См. подробнее в монографии [Городецкий 2008: п. 1.5.2].

³⁰ Про это писала Н.Поллак: «The present port's work is just such a marginal commentary to the work of

the past and what is written in the margins preserves what lies in the center» [Pollak 1995: 133].

³¹ См. [Лотман 1981].

³² Часто межъязыковыми.

³³ Т.е. **структура** текста, Данте и своего собственного.

³⁴ Т.е. «линейного» процесса нанизывания деталей.

³⁵ Аггада – часть Мидраша и, вообще, еврейского традиционного текста, как уже указывалось, во многих отношениях наиболее близкая дискурсу Мандельштама.

³⁶ [Шинан 1990: 172].

³⁷ Полностью совпадающий с одной из установок традиционного еврейского дискурса, см. [Городецкий 2008: п. 1.5.5].

³⁸ «Куда мне деться в этом январе» [Мандельштам 1993, 3: 119]. Ср. еще в очерке «Яхонтов» (1927): «...живой читатель, **равноправный** с автором, **спорящий** с ним, **несогласный**, борющийся» [там же, 2: 461].

³⁹ Этот смысл отметила Н.Поллак в монографии [Pollak 1995].

⁴⁰ В полном соответствии с системой установок «еврейской цивилизации», см. [Городецкий 2008: п. 1.5.5].

⁴¹ В.Топоров рассматривает эту ситуацию для случая Мандельштама в работе «О “психофизиологическом” компоненте поэзии Мандельштама» [Топоров 1995: 428].

⁴² «Четвертая проза» [Мандельштам 1993, 3: 171].

⁴³ «Путешествие в Армению» [Мандельштам 1993, 3: 193].

⁴⁴ Про известную структуру талмудических рассуждений, построенных на вопросах (часто эллиптических) и ответах, см. например, [Переферкович 2010: п. 60]. Ср также высказывание Мандельштама про идиш-дискурс в «Шуме времени»: «...потом я наслушался этой [идиш] певучей, **всегда удивленной** и разочарованной, **вопросительной речи**» [Мандельштам 1993, 2: 361]. Нельзя не вспомнить здесь и диалог «двух евреев» в конце «Четвертой прозы», один из которых «**все спрашивает** и спрашивает», а другой «**все крутит и крутит**» [там же, 3: 179].

⁴⁵ Ср. aha-эффект в гештальт-психологии!

⁴⁶ Цит. по [Ежегодник рукописного отдела... 1997: 142].

⁴⁷ См. [Мандельштам 1989: 192].

⁴⁸ См. [Wex 2006: 82].

⁴⁹ Часто из «межъязыковой» игре слов.

⁵⁰ И, главное, **консонантный** состав.

⁵¹ Про текст Данте и, как обычно, про свой собственный текст.

⁵² Этот пример приводится в монографии [Панова 2003].

⁵³ Л.Панова отмечает у Мандельштама «безразличие к тому, каким временем обозначить действие» и называет его «аграмматическим поэтом» [Панова 2003: 475].

⁵⁴ См. к этому [Городецкий 2008: п. 1.5.8].

⁵⁵ В частности, разворачивания синтаксических «сверток».

⁵⁶ *мидраш* = ивр. ‘изучение, исследование’

⁵⁷ Т.е. из канонической Письменной Торы (= «Писаной Торбы» из известной русской поговорки).

⁵⁸ Т.е. процесс исследования = процесс *мидраша*.

⁵⁹ «Выдергивая» с помощью техники **СИ-операторов**: см. п. 3-(в).

⁶⁰ Т.е. с их помощью генерирует дальнейший отрезок текста. Выражаясь метафорикой Мандельштама, «лепет **из опыта** пьет». Генерирование текста с помощью техник мидраша и есть экзистенциально главная «иудейская забота», от которой Мандельштам на словах дистанцировался: «Меня не касается трепет / Его иудейских забот» [Мандельштам 1993, 3: 79]. Приведем еще неодобрительное описание С.Рудаковым в письме (1935) рекурсивной «мидрашной» техники генерирования текста у Мандельштама: «Он и стихи и все делает “строчками”, а они лепятся друг к другу, это не архитектоника» [цит. по: Ежегодник рукописного отдела... 1997: 91].

⁶¹ Письмо С.Рудакова [цит. по: Ежегодник рукописного отдела... 1997: 61].

⁶² Несколько точнее: принцип «непрерывности семантического отображения, семантической функции» и т.п.

⁶³ Заметим для «подкрепления» этих рассмотрений, что идентичная связь безбожный \leftrightarrow бесстыдный встречается в «Путешествии в Армению», гл. «Москва»: «капустные бомбы, нагроможденные в **безбожном** изобилии», «я восхищался **безбожным** горением маков. Яркие до хирургической боли, какие-то лже-котильонные знаки, большие, слишком большие <...> на противных волосатых стеблях» [Мандельштам 1993, 3: 191].

⁶⁴ Очевидно, что здесь РУДА = «кровь», как в зап. русском (В. Даль), украинском и т.п.

⁶⁵ Это действие стандартного для Мандельштама СИ-оператора «эквиконсонантизма», «отображающего» друг в друга слова с одинаковым консонантным составом, см. п. 3-в.

⁶⁶ Цит. по [Ежегодник рукописного отдела... 1997: 195].

⁶⁷ Письмо С.Рудакова [цит. по: Ежегодник рукописного отдела... 1997: 61].

⁶⁸ СИ-оператор или СИ-функция от словоформы X – это лексема/словоформа СИ(X), определенным образом генерируемая аргументом X и затем возникающая в текстуальной «окрестности» X. СИ-оператор работает в «рекурсивной модели» порождения мандельштамовского текста. В качестве аргументов и значений СИ(X) могут выступать «смыслы». **Частотным в текстах Мандельштама является генерирование СИ(X), использующее «образ» X в некотором промежуточном языке.** «Языками-посредниками» в СИ(X)-функциях Мандельштама могут являться самые различные европейские языки. Подробнее о СИ-операторах у Мандельштама см. в монографии [Городецкий 2008].

⁶⁹ Ср. в стих. «Квартира»: «чернила и **крови смеситель**» [Мандельштам 1993, 3: 75].

Список литературы

- Берковский Н.* Текущая литература. М.: Федерация, 1930. 340 с.
- Видгоф Л.* Москва Мандельштама. М.: ОГИ, 2006. 480 с.
- Ганцфрид Ш.* Киццур Шульхан Арух. М.: Таргум, 2006. 592 с.
- Гехт С.* Поэт и время. На вечере Осипа Мандельштама // Вечерняя Москва, 1933, 16 марта. С. 3.
- Городецкий Л.* Текст и мир на листе Мёбиуса: языковая геометрия Осипа Мандельштама vs. еврейская цивилизация. М.: Таргум, 2008. 344 с.
- Еврейская Энциклопедия. СПб: Брокгауз – Ефрон, 1905-1912. 16 т.
- Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 год. Материалы об О.Э.Мандельштаме. СПб: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1997. 408 с.
- Левин Ю., Сегал Д. Тименчик Р., Топоров В., Цивьян Т.* Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма // Смерть и бессмертие поэта. М.: Изд. центр РГГУ, 2001. С. 279-316.
- Лотман Ю.* Текст как динамическая система. // Структура текста-81: тезисы симпозиума. М.: Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, 1981. С. 104-105.
- Мандельштам Н.* Воспоминания. М.: Книга, 1989. 480 с.
- Мандельштам Н.* Об Ахматовой. М.: Новое издательство, 2007. 444 с.
- Мандельштам О.* Собр. произв. Стихотворения / сост. С.Василенко, Ю.Фрейдин. М.: Республика, 1992. 576 с.
- Мандельштам О.* Шум времени. М.: Вагриус, 2002. 304 с.
- Мандельштам О.* Собр. соч. в 4 т. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993-1999.
- Мец А.* Осип Мандельштам и его время: анализ текстов. СПб.: Гиперион, 2005. 288 с.
- Панова Л.* «Мир», «пространство», «время» в поэзии Осипа Мандельштама. М.: Языки славянской культуры, 2003. 808 с.
- Переферкович Н.* Талмуд: его история и содержание. М.: Таргум, 2010. 536 с.
- Розанов В.* Магическая страница у Гоголя // Весы. М.: Скорпион, 1909, №8. С. 25-44.
- Топоров В.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс – Культура, 1995. 624 с.
- Успенский Б.* Поэтика композиции. СПб: Азбука, 2000. 352 с.
- Шинан А.* Мир аггадической литературы. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1990. 280 с.
- Эйхенбаум Б.* Анна Ахматова: опыт анализа. Петроград: Петропечать, 1923. 134 с.
- Эпштейн М.* Хасид и талмудист: сравнительный опыт о Пастернаке и Мандельштаме // Звезда, 2000, № 4. <http://magazines.russ.ru/zvezda/2000/4/epsht.html>
- Pollak N.* Mandelstam the Reader. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1995. 232 с.
- Wex M.* Born to Kvetch. NY: Harper Perennial, 2005. 336 с.

**OSSIP MANDELSTAM'S TEXT COMPARED TO
TRADITIONAL JEWISH DISCOURSE**

Lev R. Gorodetsky

Doctorant

Russian State University for the Humanities, Moscow

The main idea argued in the article is: Ossip Mandelstam's text quite frequently bears striking similarities to the "traditional" Jewish discourse. It's manifested mainly in the systematic correlation of Mandelstam's "text generation principles" with the corresponding techniques of the Talmud and Midra**sh. Examples of "semantic reconstruction" using certain midrashic techniques are demonstrated.

Key words: Mandelstam; text; traditional; Jewish; Talmud; Midrash.